УДК 903.27

Л. В. Лбова [1], П. В. Волков [2]

[1] Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lboval@ngs.ru

[2] Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: wolf@archaeology.nsc.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ОРНАМЕНТАЦИИ НАТЕЛЬНЫХ УКРАШЕНИЙ В ЭПОХУ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (МАТЕРИАЛЫ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ХОТЫК, ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ) *

В последнее время в Сибири сделана серия открытий, свидетельствующих об активной символической деятельности человека на ранней стадии верхнего палеолита. Предлагаемая публикация знакомит читателя с редкими образцами знакового поведения, которыми являются орнаментированные украшения, обнаруженными при раскопках многослойного местонахождения Хотык в Западном Забайкалье. Особое внимание уделено технологическим аспектам изготовления и орнаментации таких изделий.

Ключевые слова: верхний палеолит, символ, технология, орнаментация.

Проблема раннего символизма активно обсуждается в последние годы в рамках дискуссии о переходе от среднего к верхнему палеолиту в Евразии и становления культуры человека современного физического типа. Знаковое (символическое, ритуальное, неутилитарное) поведение, свойственное ранней форме Homo sapiens sapiens, довольно устойчиво выглядит в археологическом контексте комплексов начала верхнего палеолита Евразии (см.: [Вишняцкий, 2005; Демещенко, 1999; Шер и др., 2004; Mellars, 2005] и др.). Основные определения поведенческих стратегий человека современного физического типа в археологических коллекциях составляют ряд характеристик [Mellars, 2005]. Нательные украшения с персональной орнаментацией, образующие символические условные системы (сверленые зубы животных, раковины, подвески – изделия из камня и кости), и фигуративное творчество, выраженное в комплексах различных искусственных форм (скульптура, живопись, гравировка), занимают определяющее место в знаковом поведении [Шер и др., 2004; Marshack, 1972; Mellars, 2005; Barton et al., 1994].

Особый интерес представляют как сами предметы и археологический контекст находок (горизонты обитания, структуры культурного слоя, особенности размещения и т. д.), так и технологии их изготовления. В структурах долговременных поселений ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья (Подзвонкая, Хотык-2, 3 и 4, Варварина Гора-2, 3, Толбага и др.) и сезонных стоянок (например, Каменка-А, Мухор-тала-4 и др.) планиграфически четко выделяются рабочие зоны, зоны разделки туш, зоны ритуального комплекса, очаговые зоны, к которым и приурочено большинство предметов, составляющих коллекцию забайкальских на-

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проекты 25.1.3, 25.1.7) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0353.

© Л. В. Лбова, П. В. Волков, 2010

тельных украшений [Константинов, 1994; Лбова 2000; 2004; Ташак, 1996; 2009]. Технологические аспекты изготовления предметов знаковой символической деятельности и их орнаментация ранее нами рассматривались как предварительные [Лбова, Волков, 2007; Волков, Лбова, 2009]. В настоящей статье вниманию читателя предлагаются результаты технологического анализа двух орнаментированных предметов из камня, обнаруженных в комплексе уровня 2 местонахождения Хотык.

Местонахождение расположено на южном склоне одноименного остепненного среднегорного массива, на левобережье р. Она – притока второго порядка р. Селенги, являющейся главной водной артерией Западного Забайкалья. Гипсометрия зоны распространения археологического материала отмечается в пределах относительных отметок 15–40 м (абсолютных 700–735 м). Отмечается лучшая сохранность культурных горизонтов в верхней части шлейфа (относительные отметки 30–35 м), вскрытой раскопом 2.

Район исследования в целом отличается своеобразным геологическим строением, где участвуют вулканогенные, вулканогенно-осадочные и интрузивные породы различного состава и возраста. Петрографический анализ показал, что древнее население использовало в основном местное сырье для своих нужд. Наиболее часто используемым материалом для изготовления орудий являлись туфы, базальты, риолитовые порфиры. Гранитные интрузии, развитые в данном районе, сопровождались разнообразными жильными и дайковыми образованиями. Из дайковых разновидностей использовались гранит-порфиры микрозернистого строения и местный жильный кварц. Последний представлен в ансамблях артефактов как массивным молочно-белым, так и кристаллическим, в виде осколков горного хрусталя и дымчатого кварца (1,1 %). Представительство артефактов из халцедона (1,4 %) и яшмоидов (0,6 %) в палеолитических коллекциях объясняется обилием этого материала в аллювии русла р. Она и ее притоках. Таким образом, освоение территории с точки зрения потребностей сырья каменной индустрии составляет большую площадь, в пределах 10–15 км от места поселения. Но имеются единичные артефакты в коллекции 3-го уровня, выполненные из мухорталинского туфа, месторождение которого находится в 60 км на юго-запад (аналоги встречаются в материалах Варвариной Горы, Толбаги и Каменки).

Рассматриваемые нами артефакты, квалифицированные как нательные украшения, выполнены из материала, представленного мягкими породами разновидностей талька, агальматолита, стеатита различного цвета (молочно-белого, желтоватого, розоватого, зеленоватого, черного). Их представительство не велико – 0,5 %. Нужно отметить, что пород основного состава, которые сопровождают образование талька, в окрестностях горного массива Хотык нет. Ближайшая зона распространения тальковых разновидностей находится в 40–60 км западнее – в долине бокового притока первого порядка р. Курбы того же бассейна. Не исключено, что изделия были принесены в готовом виде.

Долговременными исследованиями на объекте (1998–2005 гг.) выявлено шесть разновременных уровней залегания материала, приуроченных к различным стратиграфическим образованиям, возраст которых определяется в хронологическом интервале от 22–25 до 90–110 тыс. л. н. (см.: [Лбова, 2000; Лбова и др., 2003; Kuzmin et al., 2006] и др.).

Описываемые ниже находки приурочены к комплексу артефактов уровня залегания 2. Литологически культуровмещающий слой характеризует суглинок – светло-серый лессовидный, белесый, опесчаненный, сильно карбонатизированный, при высыхании пылеватый, с включением линз и отдельных зерен дресвы, щебня, небольших глыб. В подошве слой неровный, карманообразный, карманы широкие, глубиной до 10 см. Наблюдаются концентрации глыбового материала в средней части слоя. Археологический материал и фаунистические находки 2-го уровня приурочены к средней части слоя. Мощность слоя в среднем 0,28–0,55 м.

Культуросодержащие отложения датированы от 22 до 40 тыс. л. н. по данным РТЛ (корректные образцы) (см. таблицу).

Мы склонны оценивать возраст комплекса в пределах верхних границ, поскольку естественно-научные данные (литологические, палинологические и палеопедологические) определяют культуровмещающие отложения не ранее финала каргинского периода – 25–30 тыс. л. н. Имеющаяся дата по С-14 (уровень 2, раскоп 2), полученная

Датировка культуросодержащих отложений местонахождения Хотык (уровень 2)

Дата, л. н.	Лабораторный код	Публикация
26 220 ± 550	AA-32669	[Kuzmin et al., 2006; Лбова и др., 2003; Lbova, 2008]
26 000 ± 3 000	ГИН СО РАН № 241	
27 000 ± 3 000	ГИН СО РАН № 245	
32 000 ± 4 600	ГИН СО РАН № 155	
45 000 ± 6 800	ГИН СО РАН № 243	
49 000 ± 7 000	ГИН СО РАН № 153	

в лаборатории радиоуглеродного датирования Аризонского университета (Туссон) – 26 220 ± 550 л. н., не противоречит общим представлениям о времени формирования данного комплекса [Лбова и др., 2003].

Индустрия комплекса второго уровня оценивается как пластинчатая (индекс 48,5), с представительством среднепалеолитических орудийных форм (индекс 18,7) и небольшим верхнепалеолитическим компонентом (индекс 15). Сочетание левалуазских традиций, плоскостного и прототорцового расщепления характерно для ранних верхнепалеолитических комплексов индустрий Евразии. В орудийном наборе велика доля скребел (18,4 %), обушковых ножей (12,9 %), выемчатых орудий (12,9 %). Отмечается отсутствие скребков высокой формы и резцов. В целом в индустрии уровня 2 доминируют средние и удлиненные заготовки, но имеются очень крупные пластины (до 16–20 см). В забайкальском палеолите это подразделение индустрий образует ансамбли Варвариной горы-2, Хотык-2, часть материалов Подзвонкой, Толбаги, которые находят прямые аналогии в технико-типологических и морфологических характеристиках, структурах памятников, климатостратиграфических характеристиках вмещающих отложений [Константинов, 1994; Лбова, 2000].

Второй уровень Хотыкского местонахождения представляет собой сложный поселенческий комплекс. Возможно, заселение площадки было неоднократным. Стратиграфическая картина недостаточно ясна в силу активной деятельности древнего человека и переработки геологических тел голоценовой фауной. В северной части раскопа 1 (средняя часть шлейфа) наблюдался искусственный вал из крупных костей животных и каменных глыб шириной около 2 м, мощностью до 40–50 см. Видимая длина вала в пределах раскопа – 6 м. Ориентировано сооружение в направлении СЗ–ЮВ. Характерным моментом является сохранение анатомического порядка некоторых частей посткраниального скелета животных (позвоночного столба и ребер, конечностей, черепов и т. д.). Раскопом 1 вскрыто четыре скопления артефактов, крупных костей животных и костей, подвергшихся действиям человека. Под тремя из них зафиксированы каменные конструкции и скопления целых крупных костей носорога, бизона, лошади (черепа, конечности). Подобные явления в литературе интерпретируются как хозяйственные ямы или хранилища. По продольным и поперечным разрезам наблюдается внедрение таких хозяйственных ям (наполненных костями животных, их фрагментами и артефактами) с уровня горизонта обитания в нижележащие горизонты глубиной до 50–60 см. Как правило, с северной или восточной стороны ямы обставлены вертикальными или наклонными плитами, врытыми в более древний геологический слой.

Ситуация в раскопе 2, расположенном в верхней части шлейфа, несколько иная – стратиграфия более ясная, и в целом комплекс квалифицируется нами как близкий к in situ, или подвергшийся незначительным трансформациям. Выявлено скопление небольших камней, вытянутых в линию С–Ю и начинающихся от крупной глыбы высотой до 1 м. Артефакты и фауна малочисленны, рассредоточены по всей площадке. В районе крупной глыбы в центральной части раскопа и были обнаружены артефакты, являющиеся предметов нашего изучения – бусина и подвеска. Специфичных или особых элементов культурного слоя в районе этих находок не отмечено.

При общем трасологическом обследовании артефактов применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе дополнительно использовался специализированный микроскоп МСПЭ-1 с панкратическим зумом от 19 до 95 крат. Макросъемка производилась фотокамерой Pentax WR-43 при освещении объекта по волоконно-оптическим жгутам. Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов [Волков, 1999].

Изделие 1 – бусина треугольной формы из розового талька, линзовидная в сечении с биконическим отверстием. Углы предмета закруглены. Размеры сторон треугольника: 16,76 × 14,71× 15,85 мм, максимальная толщина предмета 4,1 мм. Отверстие расположено в центральной части, имеет неправильную форму, размеры 1,3 × 1,0 мм (рис. 1, *1*, *2*). Артефакт имеет хорошую сохранность поверхности, на которой, при микроскопическом исследовании, были выявлены отчетливые следы производства изделия. Анализ следов дал основание утверждать, что использовалось два типа обрабатывающих инструментов – провертка и резец.

Предположительно первым этапом работы было формирование сквозного отверстия в изначально естественно-уплощенной заготовке. Оно производилось с двух противолежащих плоскостей заготовки с использование провертки с рабочим оборотом вокруг своей оси менее 180º (рис. 2, *1*, *2*). Рабочий участок провертки не имел достаточной длины, очевидно, не имел и специальной подготовки (не был оформлен ретушью).

Провертка использовалась как ручной инструмент и удерживалась таким образом, что ее рабочий ход по окружности был всегда меньше 180°. Образуемое инструментом углубление имеет, как правило, коническую форму. Обрабатываемый материал обычно сравнительно мягкий. Сверло отличают от провертки, прежде всего, скорость его вращения и угол поворота инструмента вокруг своей оси. Каменная часть сверла является лишь небольшой частью сложной конструкции инструмента, а его разворот в ходе работы всегда значительно больше 180°. Работа ручным сверлом заметно эффективнее работы проверткой. Иными по сравнению с проверткой выглядят морфологические признаки изделия. Отличается, соответственно, след, оставляемый сверлом в обрабатываемом материале – оно способно вырабатывать сравнительно удлиненные отверстия, формой приближающиеся к цилиндру.

Следы работы провертки зафиксированы отчетливо. Погружение обрабатывающего инструмента в материал происходило сравнительно легко и хорошо заметны (рис. 2, *1*) (отмеченные стрелками) участки остановки вращательно-поступательного движения провертки. С противоположной плоскости артефакта можно увидеть следы неоднократного начала сверления того же отверстия (рис. 2, *2*) (стрелками указаны борта

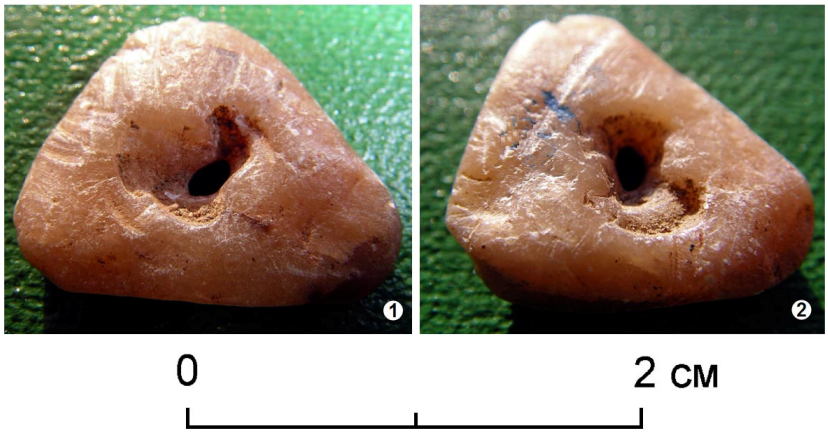

Рис. 1. Бусина из розового талька: *1* – «плоскость 1»; *2* – «плоскость 2»

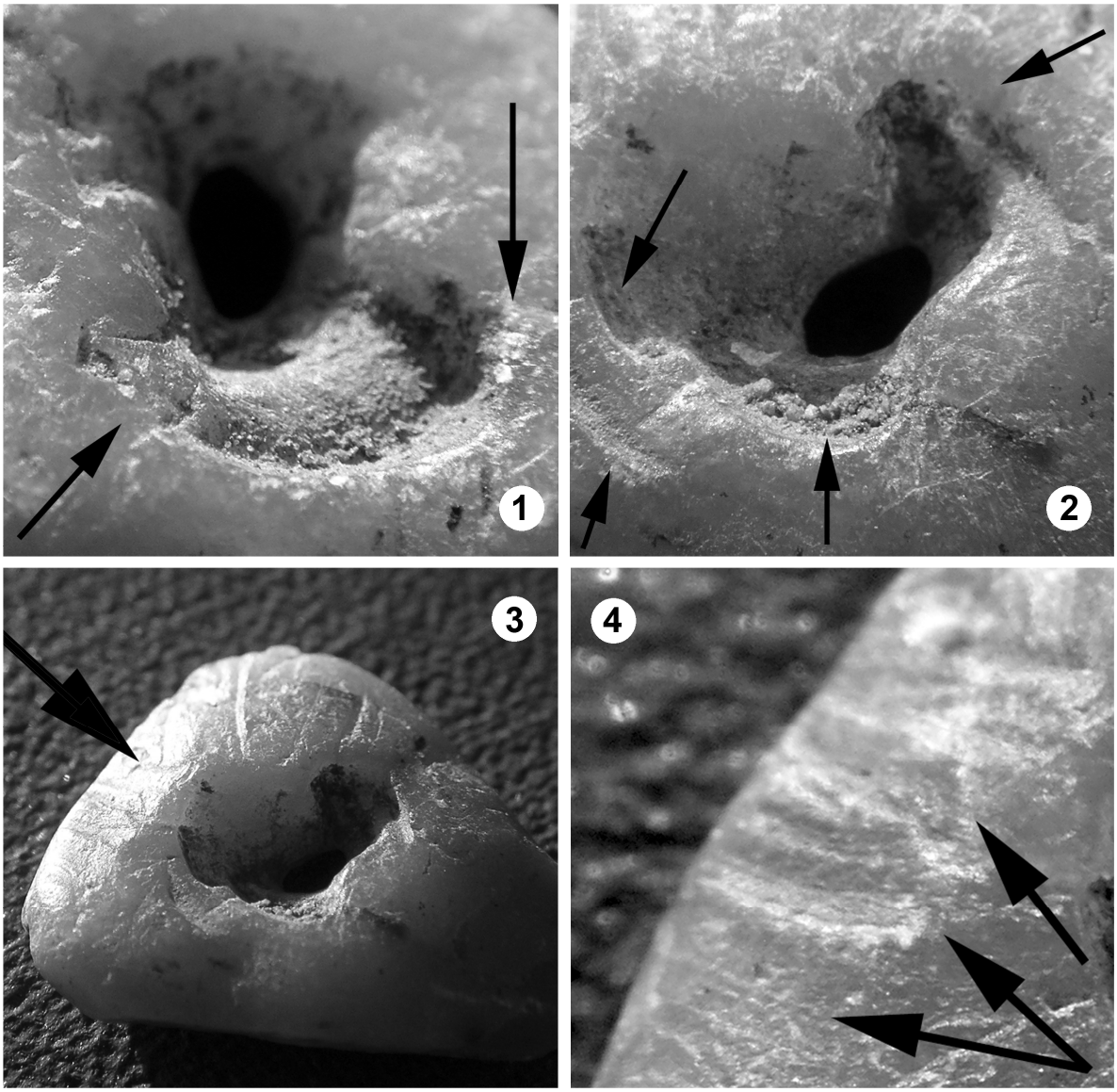

Рис. 2. Микроследы на поверхности бусины: *1* – следы возвратно-поступательного вращения провертки при ее работе на «плоскости 2» (показаны стрелками); *2* – следы многократного контакта провертки с обрабатываемой поверхностью на «плоскости 1» (показаны стрелками); *3* – участок изделия, обрабатывавшийся резцом (показан стрелкой); *4* – следы работы резца на выпуклом участке (показаны стрелками)

углублений, образовавшиеся от работы провертки в нескольких точках ее приложения к плоскости артефакта). Хорошо видна и общая асимметричность в конфигурации образовавшегося отверстия, что опять же свидетельствует о применении именно провертки при работе с изучаемым изделием.

Вторым этапом формоизменений артефакта явилось выравнивание его плоскостей посредством срезания незначительных выпуклостей (рис. 2, *3*, *4*). Для этой цели в качестве резца использовалось неспециализированное орудие**.** Резец, в функциональном понимании этого термина, схож с резчиком. Но если резчик, подобно ножу, расчленяет обрабатываемый материал, то резец производит удаление, выемку части материала, часто в виде стружки. При работе резчиком по краям образующегося канала-углубления происходит уплотнение обрабатываемого сырья. После аналогичного прохода резца плотность по всему объему материала остается практически прежней. Отличаются и следы, оставляемые в материале от работы резца и резчика. Резец благодаря «затупленному» рабочему участку значительно проч-

нее резчика, не столь глубоко проникает при работе в толщу обрабатываемого материала. Он имеет более стабильное положение при рабочем ходе. Резчик же более «верток», а следовательно, более хрупок. Резец можно легко «подточить» подправкой (снятием новой фасетки). Резчик же после ретуширования его рабочего края превращается фактически в плохой резец. Орудие теряет свое основное преимущество (эффективно расчленять) и начинает приобретать качество резца (удалять при работе частицы обрабатываемого материала). В работе оба орудия имеют определенную специализацию. Если резчик удобнее использовать для сложных, можно сказать, ювелирных работ по дереву, кости, рогу, камню, то резцом эффективнее делать более грубую работу.

Завершающей операцией стала полировка артефакта на шкуре, предположительно, при опоре на упругую плоскость.

Достаточно отчетливых следов утилизации на поверхности артефакта не выявлено, однако предположительно изделие можно определить как подвеску-бусину или часть более сложного украшения.

Изделие 2 – предмет продольно удлиненной формы (рис. 3, *1–3*) из зеленовато-молочного талька – мономинерального

Рис. 3. Подвеска из зеленовато-молочного талька: *1* – внешняя сторона; *2* – внутренняя сторона

средне чешуйчатого агрегата (определение канд. геол.-минерал. наук Н. А. Кулик). Размеры изделия: по длинной оси 22,46 мм, ширина «головки» 9,95 мм, ширина «туловища 9,90 мм, минимальная толщина изделия 6,18 мм, максимальная толщина 7,38 мм. Отверстие диаметром 2,7 мм. Верхняя часть изделия округлая, имеет небольшое утолщение (валик), на котором выполнены радиальные нарезки (риски) длиной, в среднем, 1,5–1,9 мм. Хорошо видны 11 рисок; всего, исходя из предполагаемой симметрии орнамента, предположительно было нанесено 12 или 13 нарезок (рис. 3, *2*; 4, *4a*).

Верхняя часть предмета отделена проработанным углубленным и оконтуренным пояском, ширина которого 2,16 мм (рис. 4, *4b*, *4c*). Ниже, в зоне «туловища», отмечены отдельные глубокие следы, царапины, намеренные нарезки, расположенные довольно хаотично. В нижней части предмета, в середине, отмечается небольшой объемный симметричный выступ, выполненный намеренными формообразующими действиями резца.

Артефакт имеет хорошую сохранность поверхности, на которой, при микроскопическом исследовании, были выявлены отчетливые следы производства изделия и его утилизации. Анализ следов дал основание утверждать об использовании также двух типов обрабатывающих инструментов – резца и провертки.

Процесс изготовления имел несколько этапов. Первоначально, вероятно, уплощенно-овальная заготовка подверглась двустороннему «сверлению» с помощью провертки, следы работы которой хорошо видны (рис. 4, *1*); в частности, это участки рабочего хода инструмента (рис. 4, *1a*) и след рабочей «остановки» провертки (рис. 4, *1b*). Работа инструмента производилась с одной точки на каждой поверхности. Отверстие выполнено качественно, его поперечное сечение почти симметрично.

На втором этапе работы с изделием производилось формообразование поверхностей с помощью резца. Резцом выполнен ряд желобообразных линий, которые можно интерпретировать как орнаментальные (рис. 4, *2*). Однако, помимо этого, резец применялся и для нетипичной для подобного инструмента работы, как и на артефакте, описанном выше. Так, с помощью резца производилось формирование рельефа изде-

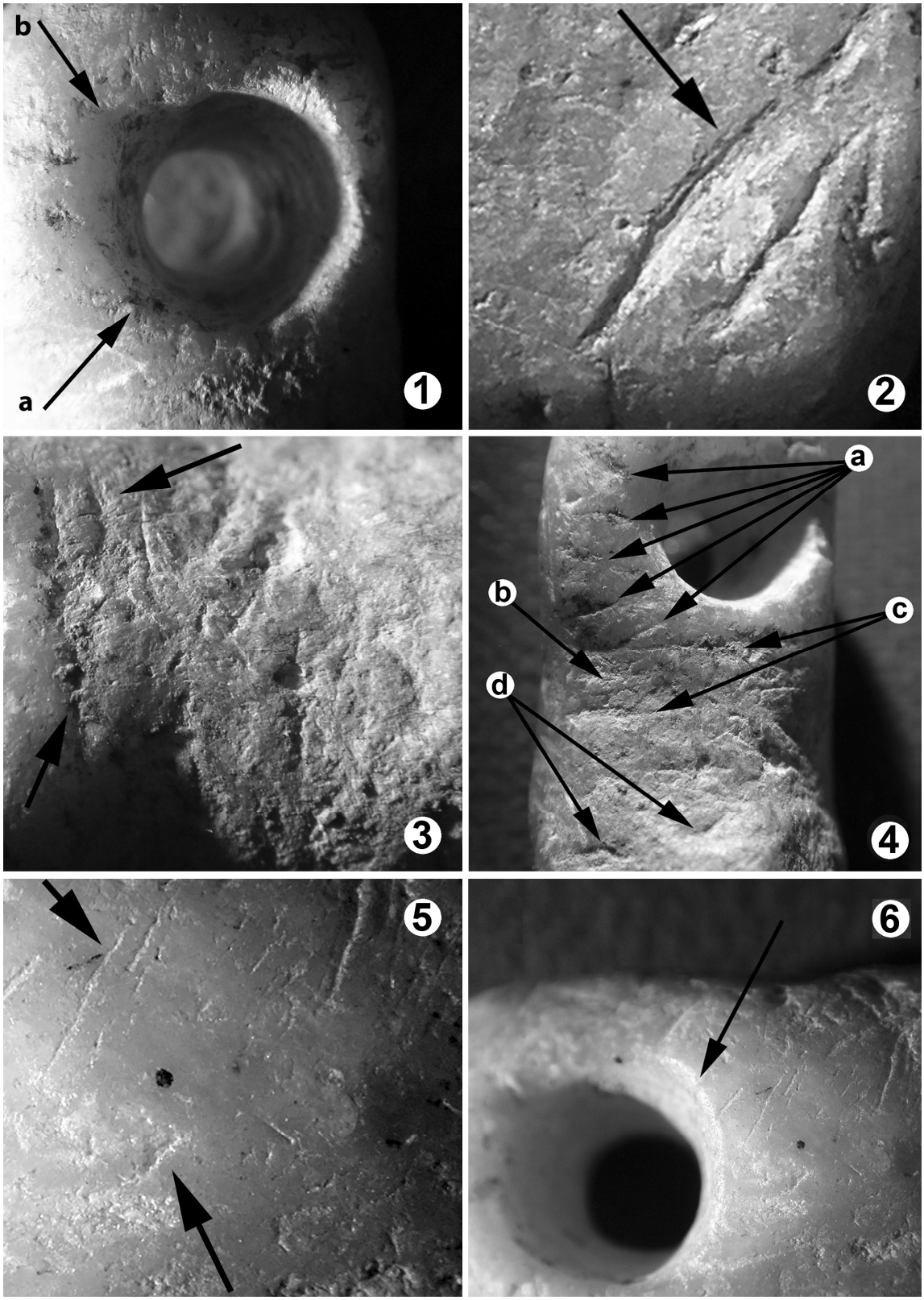

Рис. 4. Микросследы на поверхности подвески: *1 a*, *b* – следы работы провертки (начало и окончание рабочего хода инструмента); *2* – следы контакта резца на обрабатываемой внешней поверхности (показаны стрелкой); *3* – следы работы резца при выборке обрабатываемого материала в поперечном углублении на внешней стороне (показаны стрелкой); *4* – зоны применения резца на внешней поверхности (*a* – «гравировка» радиальных рисок вокруг отверстия, *b* – выбирание объема в зоне широкого «поперечного углубления», *c* – линейное очерчивание границы «поперечного углубления», *d* – формирование выступающего рельефа в нижней части подвески); *5* – следы контакта внутренней стороны изделия с «мягким органическим материалом» (показаны стрелками); *6* – следы заполировки изделия в зоне его крепления при подвешивании (показаны стрелкой)

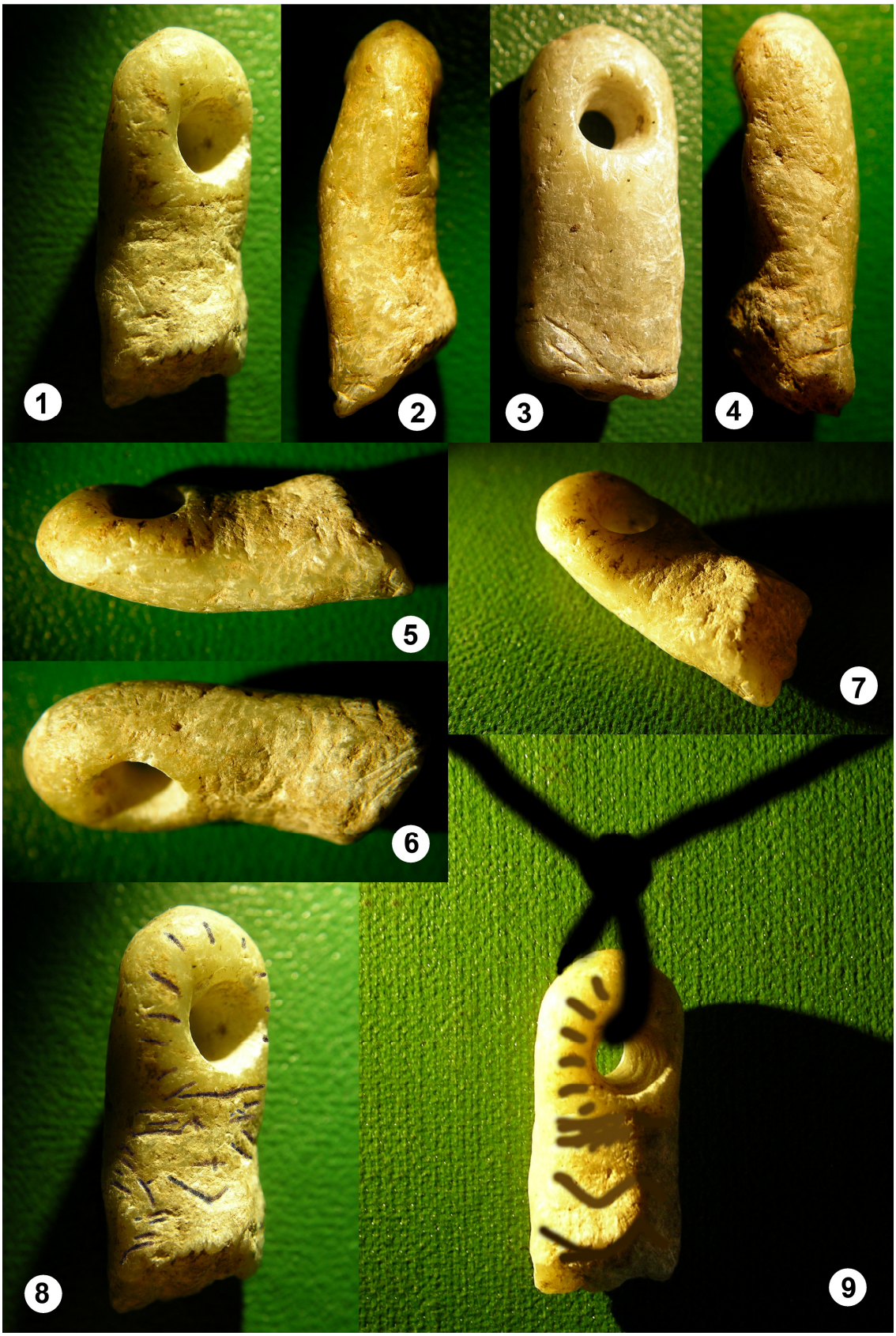

Рис. 5. Общий вид, изометрические проекции, реконструкция орнаментации и крепления подвески при подвязке: *1* – внешняя сторона; *2* – правая сторона; *3* – внутренняя сторона; *4* – левая сторона; *5* – изометрическая проекция «справа»; *6* – изометрическая проекция «слева»; *7* – изометрическая проекция «снизу справа»; *8* – прорисовка основных линий и контуров изделия; *9* – схематическая реконструкция орнаментации изделия и его крепления при подвязке

лия и его объемной конфигурации. Последствия процесса удаления «лишнего» объема изделия хорошо просматриваются (рис. 4, *3*). В результате технологического анализа изделия и микроскопического исследования его поверхности был выделен ряд разнохарактерных следов (рис. 4, *4*):

a) относительно глубокие риски, радиально расходящиеся от центра сверления изделия; глубина прорезей, относительно, одинакова; назначение рисок, очевидно, орнаментальное; инструмент их нанесения – резец;

b) участок выборки объема, в результате которого сформировалось относительно широкое углубление, ориентированное поперек длинной оси изделия; использовавшийся инструмент, вероятно, тот же резец;

c) две относительно глубокие линии, оконтуривающие вышеописанное углубление; инструмент их нанесения – резец;

d) участки, где с помощью резца производилось удаление «лишнего объема»; результат такого рода работы привел к образованию и визуальному подчеркиванию выпуклых элементов изделия.

Следы утилизации артефакта представлены в виде характерных следов заполировки, образующейся от контакта изделия с относительно мягкой, вероятно, органической поверхностью (рис. 4, *5*). Примечателен факт выделения такого рода следов только с одной стороны изучаемого артефакта. Это может свидетельствовать о довольно специфической системе вязки изучаемой подвески. То, что изделие таковым являлось – не вызывает сомнений. Характерная заполировка, образовавшаяся вокруг отверстия (рис. 4, *6*), дислокация описанной выше зоны, вполне могут дать основание для реконструкции утилитарного положения подвески (рис. 5, *9*).

Характерная форма изделия хорошо прослеживается как в четырех традиционных проекциях (рис. 5, *1–4*), так и в изометрическом ракурсе (рис. 5, *5–7*). Можно заметить, что резцом мастера выделен ряд упоминавшихся выше объемных элементов предмета. Кроме того, вокруг сверленого отверстия с помощью резца выделен хорошо заметный валик, подчеркивающий контур и объем верхней части изделия (рис. 5, *5*). Отчетливо просматривается и поперечное к длинной оси, относительно широкое углубление, отделяющее и подчеркивающее верхнюю округлую часть артефакта (рис. 5, *5*). Можно заметить следы резца в его нижней части (рис. 5, *7*), хорошо видна сформированная резцом нижняя часть конфигурации объема изделия. Заметны общий «абрис», округлость «головы», симметричность выступа и неровность скола в нижней части изделия.

Прорисовка основных, зафиксированных при микроскопическом исследовании, линий и участков воздействия резца (рис. 5, *8*) позволяет отметить определенную закономерность формообразующей обработки изделия: радиальную направленность рисок у места сверления; проработку выпуклого рельефа вокруг того же отверстия; подчеркивание верхней части предмета за счет углубляющей гравировки его «шейного» участка; формирование боковых контуров и характерной выпуклости в нижней части артефакта. Все это создает возможность для общей «реконструкции» изделия и способа его подвязки (рис. 5, *9*).

Нижний фрагмент подвески утрачен. Следы излома зафиксированы при микроскопическом исследовании этого участка. Однако рассмотрение совокупности следов обработки артефакта дает основания видеть определенную антропоморфность в общих очертаниях изделия.

В забайкальских комплексах начальной поры верхнего палеолита предметы так называемого неутилитарного назначения, свидетельствующие о символотворчестве древнего человека, составляют особую категорию. Хорошо известны материалы таких комплексов, как Толбага, Каменка, Варварина. Гора, Подзвонкая. Однако намеренная орнаментация подвесок встречена нами впервые, и следует отметить, что в более ранних коллекциях (уровень 3 Хотыка, Каменка-А, Подзвонкая) этот вид оформления нательного украшения не встречался.

Рассматривая орнамент как особый вид искусства, можно предположить, что он является более выразительным, четким и часто встречаемым способом выражать абстракции на предметах на классической стадии верхнего палеолита. Узоры, нанесенные на костяные изделия, происходящие из сибирских стоянок Военный Госпиталь, Мальта, стоянки Островской (Талицкого), Ачинской и иных характеризуют разнообразие и вариабельность геометрических форм: спирали, замкнутые круги на плоскости, выполненные ямочным орнаментом и ка-

вернами; спиральные линии, опоясывающие стержни, волнообразные и параллельные прямые, выполненные тонкой сплошной линией. Многочисленны композиции из рядов неглубоких круглых ямок-точек, регулярных ритмичных нарезок, прямых и косых линий, шевронов, зигзагов, заполняющих определенные плоскости и пояски. Организованный орнамент украшает изделия из кости и бивня, бляхи и пластины, лопаточки и шилья, а также так называемые «жезлы начальников» классической стадии верхнего палеолита Евразии.

В нашем случае зафиксирован довольно примитивный вариант орнамента – в виде регулярных насечек, радиально оформляющих основные элементы изделия: «головку» и «тело». «Тело» отделено от «головки» намеренно выполненным «пояском». Пока полных аналогов нам найти не удалось, возможно, такие предметы имеются в ряде коллекций, но они не опубликованы. Определенное сходство обнаруживается с находками морфологически близких изделий из белемнита в Костенках-17 (возраст 36 тыс. л. н.) и предметом из мадленского слоя в Ла Гарма-А [La materia…, 2005. P. 214].

Находятся аналогии подобного расположения значимых элементов орнамента в антропоморфной пластике палеолитических «Венер» граветтийского периода. На известных образцах культурной общности Павлов-Виллендорф-Костенки-Авдеево (скульптуры из Костенок, Леспюга, Виллендорфа) выделены элементы одежды – лифы, пояски и шапочки в виде орнаментированных зон [Софер и др., 2000]. Предполагая некоторую «антропоморфность» изделия 2 из Хотыка, можно высказать мысль об изображении «пояска» в области груди (лифа) и оформлении «прически» (или шапочки). Эта корреляция, несомненно, не является единственной и неоспоримой, но, на наш взгляд, может быть допустимой.

Особо следует остановиться на характеристике следов использования резца. Обычно (в палеолитическое время) резец использовался для формирования различного рода желобообразных углублений в обрабатываемом материале. Он применялся при изготовлении рукоятей ножей, разнообразных вкладышевых и составных инструментов. На исследуемом же артефакте резец использовался для выполнения совершенно необычных функций – обработки выпуклых поверхностей в процессе формообразования изделия (хорошо видны соприкасающиеся, параллельные друг другу трассы, оставшиеся на поверхности вследствие работы резца).

Существует устойчивое мнение, что удаление какого-либо «лишнего» объема с изделия в палеолите всегда производилось путем скалывания, а в неолите – путем применения абразивных инструментов. Однако известны отдельные случаи использования абразива для уплощения изделий не только в позднем палеолите [Деревянко и др., 2008], но и на более древних артефактах [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008].

Обнаружение на памятнике Хотык орнаментированных изделий столь большой древности, само по себе, достаточно большая редкость для сибирского палеолита. Антропоморфные элементы декора и морфологии подвески делают находки еще более интересными и уникальными. Использование резца не только для прорези «каналов» в рукоятях вкладышевых инструментов, создания каких-либо иных углубленных участков или уплощения обрабатываемых поверхностей, но и для формирования выпуклой поверхности изделий – случай, редчайший для эпохи палеолита. Изучение подобного рода позднепалеолитических технических приемов будет способствовать дальнейшему пониманию революционной смены технологий в обработке камня человеком в последующую эпоху неолита.

Список литературы

Вишняцкий Л. Б. Информационный взрыв и изобразительная деятельность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 51–54.

Волков П. В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.

Волков П. В., Лбова Л. В. Технология изготовления нательных украшений на ранней стадии верхнего палеолита (по материалам Западного Забайкалья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 62–73.

Демещенко С. А. Относительная хронология палеолитического искусства малых

форм и художественно-стилистические традиции // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 1999. Т. 1. С. 96–109.

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Волков П. В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 13–25.

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Цыбанков А. А., Ульянов В. А., Волков П. В. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. 14. С. 60–66.

Константинов М. В. Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Читин. гос. пед. ин-та, 1994. 179 с.

Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Лбова Л. В. Ранняя символическая деятельность в комплексах начальной поры позднего палеолита в Забайкалье (структурно-семиотический подход) // Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2004. С. 5–9.

Лбова Л. В., Волков П. В. Технологии изготовления предметов изобразительной деятельности в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Западном Забайкалье // Тр. САИПИ. Барнаул: Азбука, 2007. Вып. 3: Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. С. 40–43.

Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П., Коломиец В. Л., Дергачева М. И., Феденева И. Н., Вашукевич Н. В, Волков П. В., Савинова В. В., Базаров Б. А., Намсараев Д. В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и юго-восточное Прибайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.

Софер О., Адовазо Д. М., Хайлэнд Д. С. Одежда палеолитических «Венер»: реалии и гипотезы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1 (1). С. 37–47.

Ташак В. И. Палеолитическое поселение Подзвонкая // Новые палеолитические памятники Забайкалья. Чита: Изд-во Читин. гос. пед. ин-та, 1996. С. 48–69.

Ташак В. И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2009. № 4. С. 55–70.

Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 280 с.

Barton C. M., Clark G. A., Cohen A. E. Art as information explaining Upper Paleolithic art in Western Europe // World Archaeology. 1994. Vol. 26. No. 2. P. 185–208.

Kuzmin Y. V., Lbova L. V., Jull T. A. J., Cruz R. J. The Middle-to-Upper-Paleolithic Transition in Transbaikal, Siberia: The Khotyk Site Chronology and Archaeology. Current Research. 2006. No. 23. P. 23–26.

La materia del lenguaje prehistorico. El arte mueble paleolitico de Cantabria en su contexto / Eds. P. A. Cabal, R. O. Peredo. Madrid: Centro Nacional de Fotografia, Torrelevega – Vuseo Arqueologico Nacional, 2005. 249 p.

Lbova L. Problems of Dating of the Upper Paleolithic in the Transbaikal Region // The Current Issues of Paleolithic studies in Asia / Eds. A. P. Derevianko, M. V. Shunkov. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2008. P. 78–82.

Marshack A. Upper Paleolithic Notation and Symbol // Science. 1972. Vol. 178. No. 4063. P. 817–828.

Mellars P. The Impossible Coincidence a Single – Species Model for the Origins on Modern Human Behavior in Europe // Evolutionary Antropology. 2005. No. 14. P. 12–27.

Материал поступил в редколлегию 15.10.2010

L. V. Lbova, P. V. Volkov

MANUFACTURING AND ORNAMENTATION BODY'S DECORATION IN THE UPPER PALEOLITHIC (HOTYK-SITE, WESTERN TRANSBAIKALIA)

Recently in Siberia a series of the investigation of symbolical activity of the Men during an epoch of an early stage of the Upper Paleolithic is made. The offered publication acquaints the reader with the rare models of sign behavior, which are the ornamented adornments, discovered with the excavations of the multilayer location of Khotyk-site in the Western Transbaikalia. The special attention is given the analysis of unique manufacturing techniques and ornamentation of the artifacts.

Keywords: Upper Paleolithic, symbol, technology, ornamentation.